

Скарабей

Ирина Истратова

1

Рассел Д. Кроссвайт, исполнительный директор корпорации «Транссол», пользовался лучшим сном, какой можно купить за деньги. Это отнимало всего шестнадцать минут в сутки — и не более двадцати пяти, если спать через день. Тревожить его в это время позволялось лишь в самом крайнем случае.

Пятьдесят девятого числа 2208 года, в 683 минуты по всемирному времени мистер Кроссвайт очнулся в своем релакс-кресле. Мышцы подрагивали, сознание напоминало впопыхах собираемый пазл. На потолке кабинета светился вызов из ситуационного центра.

Кроссвайт сел; босые ноги коснулись травы, покрывающей пол кабинета. Трава была почти настоящая. Питалась она от электрической сети и водопровода, и раз в неделю приезжал техник из «Бриллиант Радикс» менять картридж с генным материалом. Дорогое удовольствие — но куда деваться! Главными корпоративными ценностями «Транссоло» считались толерантность и стремление к самореализации, поэтому сотрудникам было предписано завести себе какую-нибудь безобидную особенность или простительную слабость. После тщательных размышлений директор Р. Д. Кроссвайт решил, что будет любить природу без отрыва от работы.

Трудно сказать, что Рассел Кроссвайт любил на самом деле — ну, кроме денег и вещей практически полезных. Ему вообще казалось глупым взять и пристраститься к чему-то одному; выбрать одно — значит отказаться от всего остального. Деньги — другое дело, деньги — это всеобщий эквивалент, и, любя деньги, Рассел Д. Кроссвайт любил мир во всем его многообразии.

Безобидной особенностью Фила Мерфи, старшего диспетчера ситуационного центра корпорации «Транссол», были его эмо-волосы. Сейчас они стояли дыбом, транслируя панику.

— Сэр! Катастрофа на рейсе КВ 1127! — зачастил Мерфи. — Взорвался термоядерный двигатель!

У Кроссвайта перехватило дыхание. О, только не снова! Еще одна «Каледония» похоронит его карьеру.

— Сколько... сколько пассажиров на борту?

— Сэр, это было грузовое судно.

Директор Кроссвайт перевел дыхание:

— Экипаж?

— Нет, сэр. Судном управляла автоматика.

— Так. И когда это случилось?

— Четыреста двадцать минут назад.

— Правильно ли я понимаю, мистер Мерфи? — холодно поинтересовался Кроссвайт. — Вы подождали четыреста двадцать минут, чтобы оторвать меня... от важного дела и сообщить, что какой-то беспилотный грузовоз...

Старший диспетчер опустил глаза, волосы поникли.

— Простите, сэр. Я позвонил вам почти сразу же, как

ФАНТАСТИКА

приборы засекали вспышку. КВ 1127 следовал с Макемаке на Шибальбу, а это транснептуновые объекты, это очень далеко, сэр. Сорок пять астрономических единиц. Свету нужно...

— Я знаю, где находятся транснептуновые объекты, — оборвал Кроссвайт. — Ладно, что с кораблем?

— Пока неизвестно, сэр. Есть основание полагать, что он испарился, хотя груз, возможно, цел.

— Извольте шутить, мистер Мерфи? — рявкнул директор. — Как это может быть — судно испарилось, а груз цел?

Фил Мерфи вздрогнул, волосы затрепетали.

— В поясе Койпера, сэр, обычное дело. Там не строят из металла, это выйдет чересчур дорого. Вот как они поступают, сэр: заливают груз льдом и примораживают двигатель. Выходит такая одноразовая конструкция, называется «snegurka».

— Значит, груз можно спасти?

— Да, сэр. Но боюсь, спасение себя не окупит. Груз разметало взрывом, да и вряд ли везли что-то ценное. Это же пояс Койпера, задворки цивилизации...

— В таком случае, мистер Мерфи, мы не станем спасать груз, — сказал Рассел Кроссвайт. — Дешевле возместить стоимость грузоотправителю. Или нет, мы поступим так, как скажет его страховая компания. Пусть вопрос решают наши юристы. Это такая рутина, мистер Мерфи! Я не понимаю, чего ради вы побеспокоили меня.

— Простите, сэр. Пришло странное сообщение из нашего филиала на Макемаке. Они пишут, что на корабль проникли зайцы.

— М-м... Проникли, да? На ледяную глыбу? Ну-ну. Сколько, вы говорите, лететь от Макемаке до Шибальбы?

— Расстояние небольшое, сэр, десять астрономических единиц. Если грузовым кораблем — двадцать пять суток.

— Двадцать пять суток — на корабле, совершенно не приспособленном для перевозки пассажиров? — уточнил Рассел Кроссвайт. — Вам не кажется, мистер Мерфи, что зайцам понадобится система жизнеобеспечения?

— Да, сэр, выглядит подозрительно. Наверно, это... — Старший диспетчер смолк и втянул голову в плечи.

— Что, мистер Мерфи? Выкладывайте, раз уж начали.

— Я не знаю, сэр, просто слышал... И не буду утверждать, что здесь как раз тот случай... В общем, говорят, это налаженный бизнес — особенно там, в периферийных филиалах. Возят людей грузовым транспортом — а деньги складат себе в карман.

— Интересные факты всплывают! — сквозь зубы проговорил Рассел Кроссвайт. — Мистер Мерфи, я хочу знать определенно: сколько людей на борту, кто они? Но прежде всего — кто виноват в том, что они там оказались? Сделайте это быстро, мистер Мерфи, и без лишнего шума. Вы меня поняли?

— Да, сэр... Но ведь правда все равно откроется, когда мы их спасем.

— Кого? Грузовое судно потерпело катастрофу, груз фактически погиб. По вашим словам, спасательная экспедиция убыточна.

— Да, но люди...

— Возможно, уже мертвы. В любом случае никто не знает, что они на борту, не так ли?

На голове у старшего диспетчера зашевелились волосы, а директор Кроссвайт продолжил:

— Хотите получить повышение, Мерфи? Тогда заведите рыбок и молчите.

2

— Чё за хрень? — раздался в темноте сиплый спросонья голос. — У меня будто зубы вынули через задницу. Миха, Док! Ребята, вы целы? И свет чего-то не горит.

— Я убедительно прошу вас, Колян, не называйте меня Михай, — откликнулся другой голос с неприятной скрипучей интонацией. — Для вас я Михаил Юрьевич, можно доктор Карась.

— Не, Миха. Я пока выговорю имя-отчество, забуду, чего хотел сказать-то. По фамилии звать человека невежливо, а Док у нас уже есть. Эй, Док, ты там живой? Док! Они замолчали и прислушались.

— Что гудит? — спросил Михаил Юрьевич. — Слышите?

— «Пш-пст-уфф»? Это воздушный компрессор.

— Он работает.

— Конечно. Чего бы ему не работать? — удивился Колян. — Э, глянь, и свет врубился!

Из темноты проступили очертания небольшого помещения, кубометров не более двадцати пяти. Одну стену занимал старинный терминал с 3D-интерфейсом и креслом оператора; под сиденьем болталась авоська, набитая завтраками быстрого приготовления. К другой стене крепились вакуум-клозет, диспенсер для влажных салфеток, мусорный контейнер и кран с питьевой водой. В третьей стене была дверь шлюзовой камеры. Возле остальных стен комнаты, прихваченные за углы, покачивались три спальных мешка.

Колян расстегнул молнию, оттолкнулся и подлетел к Дону, лежащему в своем мешке в позе эмбриона.

— Живой он! — радостно заорал Колян. — Вот заспанец! У нас о нем душа болит, а он знай себе дрыхнет!

Спящий зашевелился, и Колян по-дружески двинул его кулаком в бок. Из мешка высунулась всклокоченная голова:

— А? Что такое?

— Говорю, ну и сон у тебя, Док!

— Обычный сон, майкрософтовский, — буркнул тот. — Ты зачем меня разбудил, Николай?

— Да тут такая фигня случилась... Слышь, Миха, чё конкретно за фигня?

— Мы в невесомости. Двигатель не работает, и, как следствие, пропала сила тяжести.

— Блин, и впрямь невесомость! — Колян хлопнул ладонью по стене и перекувырнулся через голову. — А чё так рано? Вроде дней десять еще должны разгоняться. И со светом непонятки... Чё-то тут не то.

— Освещение отключил электромагнитный импульс, — объяснил Михаил Юрьевич. — А разбудила нас сейсмическая волна.

Колян поскреб бритый затылок:

— Звучит хреново.

— Вообще говоря, нам повезло, что система жизнеобеспечения не пострадала. Сейсмическая волна — тоже хороший знак, она распространяется только в твердых телах, следовательно, между нами и центром взрыва оставался лед. Будем надеяться, он остановил большую часть первичного излучения.

— Блин, Миха! Какой на фиг взрыв?

— Термоядерный, — утвердил Михаил Юрьевич, криво улыбаясь. — Двигатель был термоядерный, и он взорвался. Полагаю, корабль разрушился, и наш модуль летит в космосе сам по себе. У нас запас пищи, воды и воздуха на двадцать пять дней, но если мы будем все время спать, то продержимся в два раза дольше.

— Миха, не гони. Щас глянем, чё там снаружи!

Колян ловко оттолкнулся, сделал кувырок в воздухе и оказался в операторском кресле. Из сиденья и спинки выдвинулись фиксаторы и сомкнулись на ногах и груди. Колян щелкнул пальцами, и перед ним загорелась трехмерная заставка медиацентра. Он запустил в нее пятерню, пошарил и вытащил старинный кинопроектор с вращающимися катушками.

— Чё-то не понял... Тут одно кино и ни фиги полезного! — Колян отшвырнул кинопроектор, тот сжался в точку и пропал. — А где настройки и контроль?

— Они считают, что нам это ни к чему, — сказал Михаил Юрьевич. — Приспособили какой-то негодный хлам и везут людей, как скотину.

— Это «Скарабей», — стал размышлять вслух Колян. — И ни разу не хлам, а горный комбайн устаревшей модели. Мы такой изучали в техникуме. Во, снес на фиг медиацентр, загружаю систему из резервной копии. Щас все будет.

Док и Михаил Юрьевич выбрались из своих мешков и зависли у него за спиной. Воздух замерцал, и из него соткался объемный макет «Скарабея», действительно похожий на жука с зазубренными лапками. Металлический панцирь был испещрен крепезными гнездами для дополнительного оборудования, теперь по большей части пустыми. Колян покрутил «Скарабея» в руках, разглядывая со всех сторон.

— Камеры вроде на месте, — пробормотал Колян себе под нос.

Он ткнул пальцем в модель — открылось пустое черное окошко с надписью: «Видеокамера № 1».

— Ну, что я тебе говорил, Миха! Темно, как... Короче, лед вокруг.

Вторая и третья камеры тоже показывали черноту. Колян небрежно щелкнул ногтем по четвертой — и распахнулось звездное небо, перечеркнутое полосой Млечного Пути. В углу сияла яркая точка Солнца. Колян выпучил глаза и вцепился в подлокотники. За его спиной Док и Михаил Юрьевич, точно зачарованные, смотрели, как перед ними проплывают звезды — медленно и торжественно, словно похоронная процессия в траурном бархате.

— Нас спасут, — сказал Док.

— Нет, — отстраненно произнес Михаил Юрьевич. — Никто не знает, что мы здесь.

— А мы подадим сигнал бедствия. Николай, на «Скарабее» есть передатчик?

— Щас... — Колян сделал несколько пассов и вытащил из воздуха трехмерный виджет в виде старинной радиостанции. — Да, вот он, исправен. Эй, чё за дела? — Он покрутил черную карболитовую ручку и растерянно обер-

— Запрещенные продукты? — оживился юрисконсульт. — Можно снизить возмещение за утрату груза. Или вовсе не платить.

— Действуйте, мистер Герритсен! — одобрил директор. — А теперь скажите мне, мистер Мерфи, каковы шансы на выживание у этой троицы?

— Довольно высокие, сэр. Они находились в рубке горного комбайна «Скарабей - 19Л. Модель очень старая, но надежная.

Рассел Кроссвайт скривил лицо:

— Но они не подали сигнал бедствия, не так ли?

— Не знаю, сэр. Их передатчик работает по устаревшему стандарту QDAP. Возможно, «Скарабей» запрашивает помощь, но этого никто не слышит. Такая аппаратура осталась разве что в Музее освоения космоса.

— Я хочу знать наверняка, мистер Мерфи. Достаньте ее и послушайте эфир.

— Где же я ее достану, сэр?

— В Музее освоения космоса. Мы столько жертвуем на культуру, что не стесняйтесь, изымайте любой экспонат.

— Да, сэр. А может, все же отправим спасательный корабль?

— Мистер Мерфи! Если мы пошлем корабль, возникнут неудобные вопросы. К тому же спасательная экспедиция дорого стоит. А я не вижу смысла в лишнем тратах, когда все и так складывается удачно.

4

Очередной кусок льда оттаивал в шлюзовой камере, и у Коляна образовался вынужденный перерыв в работе. Сразу вносить добычу в рубку было нельзя: переохлажденный лед примерзал к коже намертво, а свободная вода в невесомости стягивалась в круглые капельки и норовила попасть в легкие. Даже упаковки «Старфаста», летающие по комнате, могли наделать бед. Одна такая врезалась Коляну в затылок. Он разинул рот и застыл, беззвучно шевеля губами, глаза выражали адскую муку. Док тронул его за плечо:

— Николай, тебе плохо?

Тот помотал головой:

— Все путем. Это я прошился, чтоб не матюгаться. Только открою рот загнуть по-матерному — тотчас мне горло перехватывает и звездочки в глазах.

— Бедняга! — посочувствовал Док. — Как же тебя угораздило?

— Хотел жениться. Женщины — они ведь ушами любят... Но не срослось.

— Так снеси прошивку, не мучайся.

— Жаба душит, — признался Колян. — Ползарплаты отдал — и что, впустую? Ничего, я насобачился использовать эвфигизмы.

— Может быть, эвфемизмы?

— Ага, наверно. В смысле, ну когда говоришь «хреновень», а подразумеваешь «херовина».

Михаил Юрьевич поймал «Старфаст», пролетавший в опасной близости от лица, и желчно поинтересовался:

— Не достаточно ли мы набрали этой дряни? И воды хватит надолго. Давайте уже выбрасывать лед в космос. В конце концов, наша цель — очистить антенну, а не запастись на голодный год.

— Выкидывать еду и воду нехорошо, — возразил прижимистый Колян. — И фиг знает, сколько там осталось «Старфаста». Может, всего ничего. Может, потом пойдут

какие-нибудь памперсы в синильной кислоте. И будешь ты, Миха, локти кусать.

Док забрал упаковку у Михаила Юрьевича и сунул в мусорный мешок. Штук восемь таких мешков, полностью набитых и завязанных, были принаитованы в разных местах комнаты, отчего в ней стало тесновато.

— «Старфаст» — это не еда, — заметил Михаил Юрьевич. — Он вреден для здоровья.

— Он вкусный! — возмутился Колян.

На ярко раскрашенной крышечке были три кнопки, подписанные «рыба», «мясо» и «курица». Колян выбрал «мясо», и корытце мелко завибрировало. Внутри шел некий процесс.

— «Полностью натуральный продукт, — прочитал Колян, — обогащенный витаминами и кальцием». Точняк, нам нужен кальций! А то костям в невесомости капец.

Он снял с емкости крышку — та свернулась трубочкой и превратилась в ложку — и принялся с аппетитом закидывать в себя «Старфаст».

— Мы полюбим этот вкус, — вздохнул Док, открывая свою порцию.

— Помню, как-то раз мы нашли богатый астероид, — сказал Колян. — Надо было поспешать, пока не налетели остальные. А из еды у нас — только просроченный «Старфаст». И вот он начал глючить. Какую кнопку ни нажми — однофигственно, внутри этиловый спирт.

— Ах, не могли бы вы помолчать! — раздраженно бросил Михаил Юрьевич. — Нужно что-то делать, а вы байки травите!

— Миха, не кипишись. Мы почти докопались до антенны.

— Вот именно! Антенна должна уже работать на прием, но мы ничего не ловим. Следовательно, приемник неисправен.

— И что вы предлагаете? — спросил Док. — Только конструктивно, пожалуйста!

Михаил Юрьевич сверкнул глазами:

— У «Скарабея» есть двигатель, не так ли?

— Ага, на водяной плазме, — согласился Колян. — Воды у нас хоть залейся — а толку? Изотопная батарея одна, да и та выработала половину ресурса. Большую тягу нам не развить. Будем разгоняться лет двадцать, а потом тормозить еще.

— Нас затормозят лазером на подлете, — сказал Михаил Юрьевич. — И мы не станем разгоняться, а скорректируем траекторию. Я могу рассчитать новый курс... Да, пожалуй, я смогу.

Он сел в кресло, открыл схему Солнечной системы и задумался.

5

Волосы Мерфи радостно вибрировали.

— Сэр, они вышли на связь! Николай Лобанов, Михаил Карась и третий, называющий себя «Док». Прошло тридцать пять дней, а они еще живы.

— Просто чудо! — процедил Кроссвайт.

— Воды и пищи хватит надолго, — доложил Мерфи. — «Скарабей» заморожен в огромный ледяной обломок, и они там добывают «Старфаст», словно полезное ископаемое. Кислород они получают электролизом, так что, считайте, у них неограниченный запас воздуха.

— Хм... А что они собираются делать с углекислым газом? Вряд ли на «Скарабее» неограниченный запас картриджей к воздушному фильтру. Не так ли, мистер

Мерфи?

— Сэр, это пояс Койпера, там никогда не меняют картриджи. Дикие люди! Нагревают картридж в вакууме или продувают водяным паром — в зависимости от модели. Поглощенная углекислота выделяется, и картридж можно использовать повторно.

— Какое упущение! Производители фильтров теряют прибыль. Надо придумать, как сделать их одноразовыми.

— Да, сэр, производители так и поступили, и тогда шахтеры перестали покупать системы жизнеобеспечения. В горном комбайне, сэр, есть криогенный сепаратор. Он предназначен для физического разделения льдов, но если пропатчить драйвер, то с его помощью можно вымораживать углекислый газ из дыхательной смеси. У «Скарабея» действительно неограниченный запас воздуха. А еще они включили двигатель и направляются на Эрешкигаль.

— На Эрешкигаль? Не на Шибальбу?

— На Эрешкигаль, сэр, это ближе. Тем не менее путь займет два с половиной года. Это так долго, сэр! Может, мы пошлем за ними спасателей?

— Никого спасти мы не станем! — скрипнул зубами Кроссвайт. — Запомните, мистер Мерфи.

— Да, сэр, — Мерфи покусал губу. — Но что будет, когда «Скарабей» прилетит на Эрешкигаль?

Исполнительный директор откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Когда «Скарабей» прилетит на Эрешкигаль, эта история, как пить дать, попадет в новости. Журналисты докопаются до махинаций Лизы Эллиот, грянет скандал, акции «Транссола» рухнут, и Ван Далены сделают его, исполнительного директора Кроссвайта, козлом отпущения. Ему припомнят «Каледонию», на него повесят всех собак.

Ну уж нет!

— Пригласите сюда Герритсена, — сказал Кроссвайт. — Будем составлять контракт.

6

— Картошка с грибами.

— Зеленый горошек.

— Картошка со шварками.

— Шоколадное мороженое.

— Картошка с курицей.

— Только не с курицей!

— Ладно, тогда с лучком. На подсолнечном масле. — Колян зажмурился. — И чтоб, знаешь, хрустела.

— Изверги вы, — бессильно констатировал Михаил Юрьевич. — Садомазохисты.

Док покрутил в руках лоток «Старфаста»:

— А как это вообще работает? Быть может, здесь есть другие программы? Кроме тех трех, что вынесены в интерфейс. А, Николай?

— Зуб даю! Было дело, наш «Старфаст» взломали хакеры, и он превратился в этиловый спирт...

— Извините, что прерываю, — ядовито произнес Михаил Юрьевич, — но из монитора торчит какой-то треугольник.

Моментально посерьезнев, Колян дернул загадочный треугольник за угол и вытащил почтовый конверт.

— Ребята, чтоб мне сдохнуть! Нам письмо.

— Вы что-то путаете, — не поверил Михаил Юрьевич. — Этого не может быть. Радио не работает.

— Почему они связались с нами только сейчас? — нахмурился Док. — Странно...

ФАНТАСТИКА

Колян вскрыл конверт и вытащил заполненный мелким шрифтом лист с логотипом «Транссола». Док и Михаил Юрьевич придвинулись, вытянув шеи. Колян читал, шевеля губам, и на его лице проступало недоумение.

— Это «Скарабей»-то ценное имущество? Которое мы должны спасти с места катастрофы и доставить на Эрешкигаль? А нам за это заплатят три миллиона баксов? Они там спятили, в ихнем «Транссоле»! Мы так и так летим на Эрешкигаль, совершенно за бесплатно. Чё-то я не въехал... Мы спасем «Скарабей» — а кто спасет нас?

— Они не хотят нас спасать, Николай, — объяснил Док. — Видимо, посылать за нами корабль слишком дорого, дешевле дать нам отступного.

— Как унижительно! — сказал Михаил Юрьевич. — Мы не должны это подписывать.

— Но, блин, три мегабакса! По мегабаксу на рыло... Охренительные деньжищи!

— Проголосую, — предложил Док и помахал упаковкой «Старфаста». — «Рыба» — за то, чтобы заключить сделку, «мясо» — против, а «курица» — воздержался.

Загородив ладонью крышку, Док нажал кнопку и положил лоток в мусорный пакет. Вслед за ним проголосовали Колян и Михаил Юрьевич. Пакет завибрировал, обрабатывая результаты референдума. Док вынул первый лоток, снял крышку, понюхал и объявил:

— Рыба.

Достал второй лоток, понюхал:

— Снова рыба.

В третьем бюллетене тоже оказалась рыба.

— Никто ничего не перепутал? — спросил Док. — Неужели единогласно?

— Я хочу эти деньги, понятно?! — с вызовом сказал Колян. — Хочу миллион баксов. Мне всю жизнь надо вкалывать, чтобы столько заработать. И какая у меня работа? Думаете, очень интересная? Сидеть в том же комбайне, колупать тот же лед и жрать тот же «Старфаст».

— Понятно, — кивнул Док. — А вы, Михаил? Как же ваш телескоп?

— А никак. — Михаил Юрьевич горько усмехнулся. — Финансирование урезали, строительство заморожено. Что я буду здесь коковать, что там. В деньгах нет счастья, но есть некоторое утешение.

— А я кое-что искал, — туманно сказал Док, — и кажется, нашел то, чего мне не хватало.

— Денег, что ли? Да ты, блин, философ!..

7

Сто седьмого числа 2210 года Фил Мерфи переступил порог директорского кабинета. Он уже чувствовал себя виноватым, топча газон, а бешеный взгляд начальника едва не отправил его в нокаут.

— Как вы объясните это, мистер Мерфи? — Кроссвайт швырнул ему какую-то книжку.

«Транссол: деньги в космосе не пахнут», — прочел Мерфи. С обложки смотрели два легко узнаваемых лица — Николая Лобанова и Михаила Караса — и одно узнаваемое с трудом. Побритый и постриженный бродяга оказался известным журналистом Петром Докучаевым.

— Кто бы мог подумать, сэр... — выдавил Мерфи.

— Вы, мистер Мерфи. Эти материалы пришли в редакцию с вашего адреса.

— Нет, сэр! Клянусь, я ничего не посылал.

— Неужели? — процедил Кроссвайт. — А почему вы не вернули радиостанцию в музей? С какой целью вы два года держите ее дома?

Фил Мерфи опустил глаза.

— Это не простая радиостанция, сэр, а пульт управления зондом «Инфинити». В конце двадцать первого века его послали в облако Оорта, и он до сих пор там летает.

— Какая вам от этого польза?

— Никакой, сэр. Но у меня сын, ему девять лет, и он бредит космосом. И я подумал: когда еще ребенку представится возможность порулить космическим зондом? Простите, сэр, не понимаю, что на меня нашло.

— Мерфи... Знаете что? Идите отсюда к черту.

— Да, сэр. Спасибо. До свидания. Удачи вам.

8

— Сильнее! — потребовал Михаил Юрьевич. — Привяжите меня покрепче!

Его голова торчала из спального мешка, а Док затягивал стропы.

— Спина должна чувствовать твердую поверхность, — объяснял Михаил Юрьевич раздраженно. — Не могу спать в невесомости.

— «Невесомость» происходит от слова «невесело», — заметил Колян, крепко спеленатый в своем спальнике.

— И означает невозможность повеситься, — мрачно добавил Михаил Юрьевич.

— Потерпи, Миха, недолго уже осталось.

Док затянул последнюю стропу и отлетел полюбоваться.

— Ну, всем удобно? Все хорошо привязаны? Тогда у меня для вас две новости — плохая и хорошая. Начну с плохой. Наша история стала достоянием широкой общественности. Шишки из «Транссоло» делают круглые глаза и пытаются от нас откреститься. Так что обещанных миллионов мы не получим.

— Кончай прикалываться, Док.

Тот смущенно развел руками:

— Помните, я все набивал что-то на компьютере? Это была книга про наше путешествие на «Скарабее». Я отправил рукопись в издательство, и ее напечатали.

— Гонишь! У нас нет Интернета.

— Есть, но с узким каналом и большой задержкой. Ре-транслятор почему-то в облаке Оорта.

— Но зачем вы так поступили? — спросил Михаил Юрьевич. — Зачем?

— Я журналист, и моя работа — говорить людям правду. Я долгое время скитался по Солнечной системе, писал статьи о страданиях простых людей и о жадности корпораций. Но все это было не то. То есть, конечно, факты вопиющие, но об этом столько написано, что приелось. Собирая материал о махинациях на транспорте, я попал на «Скарабей». И когда «Транссол» предложил нам

сделку, — в глазах Дока сверкнули огоньки, — я понял: вот она, моя тема!

— Сволочь ты, Док! — Колян задергался в крепко привязанном спальнике. — Тебе, значит, слава и почет, а мы два года мучились задаром?

— Не задаром, и это хорошая новость, — сказал Док. — Я включил вас в соавторы, гонорар разделим поровну. Кроме того, мы продадим право на экранизацию. Плюс к этому, поскольку никто не признает «Скарабей» своей собственностью, по закону он принадлежит нам. Продадим его на Эрешкигаль, в сумме то на то и выйдет — по миллиону каждому.

— Вот это другой разговор! — обрадовался Колян. — Еще можно сбагрить остатки «Старфаста».

— Может, не надо «Старфаст»? — нерешительно возразил Михаил Юрьевич. — Он вреден для здоровья...

— Да ладно, Миха. Мы ели и не померли.

9

Руслан Селиванов, громыхая магнитными ботинками, вошел в диспетчерскую космопорта Эрешкигаль. На нем были списанный десантный бронескафандр и португепя с плазмоганом.

Вчера таможня конфисковала пиратскую копию блокбастера «Каледония», и теперь вся диспетчерская рыдала, не отрывая глаз от мониторов.

— Ой, девочки, не могу смотреть! — всхлипывая, говорила Мила Ким. — Вот этот момент, когда он сажает ее в спасательную капсулу... А ведь это последняя капсула, и он это знает, но ей не сказал... Прямо все в душе переворачивается.

— Придумают же чушь! — проворчал Селиванов.

— Так все и было! — возмутилась Мила Ким.

— Да ну?

— Знаешь, кто писал сценарий? Бывший директор «Транссоло», тот самый, который руководил спасательной операцией. Уж он-то знает, как оно было на самом деле.

— Например, почему спасательных капсул не хватило на всех.

— Селиванов, ты сухарь и зануда.

— Угу. Зачем вызывали-то? О фильмах поговорить?

— Помнишь триллер «Деньги в космосе»? — спросила Мила. — Сейчас у нас в шестом доке швартуется «Скарабей».

— Ну и что? Мне пойти и попросить для тебя автограф?

Мила промокнула глаза, высморкалась и сказала деловым тоном:

— Иди и арестуй их. У них на борту груз «Старфаста» на продажу.

Селиванов нахмурился:

— Слушай, они же два года болтались в космосе, бедолаги! Может, просто не знают, что «Старфаст» запретили ввозить на Эрешкигаль?

Мила Ким пожала плечами:

— Незнание закона не освобождает от ответственности. Пускай выбирают: два года тюрьмы или штраф в три миллиона баксов.

